

LYNSEY ADDARIO

IT'S
WHAT
I DO:

A PHOTOGRAPHER'S
LIFE OF LOVE
AND WAR

PENGUIN BOOKS

ОТЗЫВЫ

Boston Globe:

«Благодаря прекрасному языку и живым кинематографичным фотографиям перед нами раскрывается картина другого мира. Книга отправляет нас вслед за смелой женщиной, которая выбрала опасную, мужскую профессию и преуспела в ней. Аддарио стала свидетелем страданий и боли простых людей, которым она пыталась помочь».

Entertainment Weekly:

«С самого начала эта книга сжимает тебя в кулак и не отпускает до последней страницы. Аддарио освещает все тонкости ее работы: с чем сталкивается женщина-фотограф в условиях войны и как ей приходится доказывать свою компетентность коллегам-мужчинам и американским солдатам. Это невероятная женщина! Несмотря ни на что, она никогда не вешает нос, независимо от того, где находится — на враждебной территории или в обществе политиков».

Los Angeles Times:

«Прекрасно иллюстрированные мемуары. Миссия Аддарио в том, чтобы показать таким людям, как она — тем, кто родился в безопасности и живет в процветании, — какие ужасы существуют в мире, который они могут и не видеть. Это дневник счастливой женщины, которая знает свое призвание и мир вокруг себя».

San Francisco Chronicle:

«Аддарио родилась в семье простого парикмахера, а стала одной из самых востребованных и опытных фотожурналистов в мире. Она знает, как важно показать людям, что происходит вокруг. Она является ярким примером того, как человек, у которого есть все, променял комфорт на свою работу, полную лишений и страданий. Надеемся, она будет продолжать жить полной жизнью, наслаждаться общением с семьей, а мы будем ждать ее новую книгу».

Washington Post:

«Это непередаваемая история. Книга Аддарио, наполненная сценами из ее путешествий, изнутри показывает, с какими трудностями и опасностями каждый день сталкивается журналист в своей работе».

Associated Press:

«Способность Линси поймать кадр — выше всяких похвал! То, как она умеет ориентироваться в сложнейших ситуациях, делает ее несравненной».

Dallas Morning News:

«Это бесценный подарок: прочитать инсайдерский взгляд на личную и профессиональную жизнь военного корреспондента... Это чтение заряжает! Здесь показано, как часто Аддарио рисковала жизнью. Но самое главное в книге — тот факт, что чувства и человечность оказываются сильнее ужасов войны. В книге и снимках Аддарио читатель видит, что в войне нет ни правых, ни виноватых. Нет черного и белого, а только тысячи оттенков у каждой из сторон».

*Посвящается Полу и Лукасу —
я люблю вас больше всех на свете*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Аджабия, Ливия, март 2011</i>	11
---	----

Часть первая ОТКРЫТИЕ МИРА

1. Нью-Йорк не дает второго шанса	35
2. «Сколько у вас детей?»	62
3. «Мы на войне»	95

Часть вторая ГОДЫ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

4. «Вам, американцам, здесь больше не рады»	107
5. «Меня не так волнуют пули»	132
6. «Пожалуйста, скажи женщине, что мы не причиним ей вреда»	167

Часть третья НЕКИЙ БАЛАНС

7. Женщины — жертвы собственной родины	203
8. «Делай свою работу и возвращайся, когда закончишь»	223
9. Самое опасное место в мире	238
10. Водитель погиб	283

Часть четвертая
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

11. «СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ТЫ УМРЕШЬ»	321
12. «ОН БЫЛ МНЕ БРАТОМ, И МНЕ СТРАШНО ЕГО НЕ ХВАТАЕТ»	350
13. «Я БЫ НЕ СОВЕТОВАЛА ВАМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ»	359
14. ЛУКАС	383
<i>Послесловие. Возвращение в Ирак</i>	390
<i>Благодарности</i>	395

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аджабия, Ливия, март 2011

Я стояла возле желтовато-серого цементного здания больницы близ Аджабии в идеальном свете кристально ясного утра. Этот маленький город расположен на северном побережье Ливии, более чем в пятистах милях к востоку от Триполи. Мы с другими журналистами смотрели на машину, разбитую во время утреннего налета. Стекло было выбито, все заднее сиденье в крови и в ошметках человеческой плоти. Пассажирское сиденье забрызгал мозг, осколки черепа впились в крышку бардачка. Больничные работники в белой медицинской форме тщательно собрали останки и упаковали их в мешок. Я взялась за камеру, чтобы снять то, что уже снимала много раз, но потом отступила в сторону, чтобы уступить место другим фотографам. В тот день я не могла этого сделать.

Был март 2011 года, начало «арабской весны». В Тунисе и Египте неожиданно и триумфально произошли революции. Люди свергли диктаторов, которые правили ими много лет. Их охватила настоящая эйфория — миллионы обычных людей пели и танцевали на улицах, наслаждаясь чувством новообретенной свободы. Ливийцы тоже решили восстать против собственного тирана, Муаммара аль-Каддафи. Он находился у власти более сорока лет, финан-

ЛИНСИ АДДАРИО

сируя группы террористов во всем мире, пытая и убивая своих соотечественников. Каддафи был маньяком.

Я не работала в Тунисе и Египте, потому что меня отправили в Афганистан. И очень страдала из-за того, что упускаю столь важный исторический момент. Ливию я пропустить не могла. Впрочем, революция здесь очень быстро превратилась в войну. Знаменитые солдаты-ду-

Если мне не удастся выжить, то пусть хотя бы моя работа сохранится.

шители Каддафи захватывали оставшие города, а авиация безжалостно бомбила повстанцев. Мы, журналисты, прибыли без бронежилетов. Мы не ожидали, что нам понадобятся каски.

Позвонил мой муж, Пол. В командировках мы стараемся разговаривать хотя бы раз в день, но ливийский мобильник практически не работал, и поговорить нам удалось лишь спустя несколько дней.

— Привет, любовь моя! Как дела?

Пол звонил из Нью-Дели.

— Я устала, — ответила я. — Я разговаривала с Дэвидом Ферстом (это мой редактор из *New York Times*) и спросила, нельзя ли смениться в течение недели. Сейчас я поеду в отель в Бенгази и постараюсь пересидеть там, пока не удастся уехать. Я готова вернуться домой. — Я старалась говорить так, чтобы голос не дрожал. — Я устала. И у меня дурное предчувствие — мне кажется, что-то случится.

Я не сказала мужу, что последние несколько дней просыпалась, не желая вставать с постели, засижива-

ПРЕДИСЛОВИЕ

лась за чашкой с растворимым кофе, пока мои коллеги готовили камеры и грузили сумки в машины. Когда я работала на войне, порой меня охватывала безграничная смелость, а иногда, как сейчас в Ливии, каждое утро становилось кошмаром. Два дня назад я передала большую серию снимков другому фотографу, чтобы он отправил их в мое агентство в случае, если я погибну. Если мне не удастся выжить, то пусть хотя бы моя работа сохранится.

— Ты должна вернуться в Бенгази, — серьезно сказал Пол. — Интуиция никогда тебя не обманывала.

Когда две недели назад я приехала в Бенгази, город только что освободили. Картина была мне знакома — так же выглядел Киркук после Саддама Хусейн и Кандагар после «Талибана». Пылающие дома, пустые тюрьмы, собственное правительство. Все были счастливы. Однажды я снимала мужчин, которые собрались в городе на военную подготовку. Это напоминало скетч Монти Пайтон: ливийцы стояли, выстроившись в ряд, и внимательно слушали инструкторов, маршировали, как солдаты, или в изумлении взирали на груды оружия. Это были самые обычные люди: врачи, инженеры, электрики. Они нашли в своих шкафах зеленую одежду, кожаные куртки, кроссовки, прыгнули на грузовики, загруженные ракетами «Катюша» и минами, и отправились воевать. У некоторых в руках я увидела ржавые «калашниковы», другие были вооружены только охотничьими ножами.

ЛИНСИ АДДАРИО

У некоторых вообще не было оружия. Когда они по прибрежной дороге направились к Триполи, столице страны, все еще находившейся в руках Каддафи, журналисты попрыгали в свои объемистые четырехдверные седаны и последовали за ними — прямо на линию фронта.

Мы ехали рядом с ними, видели, как они загружают вооружение, и ждали. И вот однажды утром мы увидели в этой местности вертолет. Он пролетел прямо над на-

Я более десяти лет работала военным корреспондентом. Но никогда не испытывала такого ужаса, как в Ливии.

шими головами и выпустил пулеметную очередь. Он безжалостно нас расстреливал. Повстанцы принялись стрелять в воздух из «калашниковых». Один парнишка швырнул в вертолет камень, другой, обезумевший от ужаса, бросился за песчаную дюну. Я устроилась за нашей маши-

ной, напоминавшей жестяную банку, и сфотографировала его. Я поняла, что война будет совершенно другой.

Линия фронта проходила вдоль пустынной дороги, окруженной бескрайними песками и уходящей за горизонт. В отличие от войн в Ираке или Афганистане здесь не было бункеров и зданий, где можно было бы спрятаться, не было бронированных машин, которые могли бы послужить хоть какой-то защитой. Когда мы слышали гул военного самолета в Ливии, то просто замирали. Мы останавливались, смотрели вверх и со страхом гадали, куда упадут бомбы и откуда прозвучат пулеметные очереди. Некоторые люди бросались на землю, другие прикрывали головы, кто-то молился, а кто-то бежал —

ПРЕДИСЛОВИЕ

бежал куда глаза глядят, хотя бежать было некуда. Под ослепительно-синим средиземноморским небом мы были совершенно беззащитны.

Я более десяти лет работала военным корреспондентом. Я снимала войну в Афганистане, Ираке, Судане, Демократической Республике Конго и Ливане. Но никогда не испытывала такого ужаса, как в Ливии. Фотограф Роберт Капа однажды сказал: «Если твои фотографии недостаточно хороши, значит, ты не сумел подобраться достаточно близко». Если ты не был достаточно близко в Ливии, то фотографировать было нечего. А когда подбирался достаточно близко, то оказывался на линии огня. На той неделе я видела, как лучшие фотографы мира, ветераны Чечни, Афганистана и Боснии, уезжали после падения первых же бомб. «Это не стоит того», — заявляли они. И порой я тоже так думала. «*Это безумие. Что я делаю?!*» Но потом наступали другие дни, и я ощущала знакомое возбуждение. «*Я присутствую при настоящем народном восстании. Я вижу, как люди идут на смерть ради свободы. Я фиксирую судьбу общества, которое десятилетиями подвергалось угнетению*». Пока тебя не ранили, не подстрелили и не похитили, тебе кажется, что ты неуязвим. И прошло уже несколько лет с того времени, когда нечто подобное случилось со мной.

...Журналисты покинули больницу. Я знала, что нужно вернуться на линию фронта. Я слышала звуки войны — разрывы мин и бомб, огонь противоракетных